В. МУРЗИН

Синий махаон

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказы о бабочках. Фотокнижка.
Фотографии автора. Художник А. Панин.

-
- С чего все началось
- Что же такое бабочки?
- Цвет и свет
- Ядовитые бабочки
- Будет буря
- Голубые молнии
- Зубастые бабочки
- Неуловимый Алексанор
- Загадка кленового бочонка
- Бабочки и самолеты
- Синий махаон
- Чем пахнут бабочки?
- Гости из прошлого
- notes
    - 1

Бабочки — «летающие цветы»!

Такие они на вид нежные и беззащитные, а могут всю зиму под снегом проспать и ничего им не сделается! А слыхали вы о зубатых бабочках, о ядовитых? А знаете, что бабочки умеют запахами переговариваться?

Если не слыхали, если не знаете — читайте книжку.

И если даже слыхали и знаете — всё равно читайте. Потому что в ней много ещё такого, о чём вы, может быть, даже и не догадывались.

Как сказочная лягушка оборачивается прекрасной царевной, так волосатые червяки — гусеницы умеют превращаться в крылатых лёгких красавиц, танцующих над цветами.

Танцуют и радуют, танцуют и удивляют. И дело делают — опыляют цветы.

Николай Сладков

С чего все началось

Многие люди бабочек почти не замечают. Изредка остановится взгляд на каком-нибудь ярком мотыльке. И я, быть может, остался бы равнодушным к удивительному миру бабочек, если бы не один случай, когда мне было года четыре. Мы жили тогда в Ростове-на-Дону. Сзади к нашему дому примыкал двор, огороженный со всех сторон каменными стенами. Во дворе росло несколько деревьев, а под ними стояли скамеечки. Трава в центре двора была вытоптана, и только ближе к стенам сохранились сорняки и крапива. Неприглядный был двор, но безопасный. Родители без боязни отпускали меня туда на весь день. По правде сказать, я там скучал. Я давно изучил каждый уголок. Знал нору огромной коричневой крысы среди камней, гнездо воробья в дыре на стене и многое другое. Всё это мне уже надоело.

Но вот однажды на гладкой стене я заметил какую-то маленькую блестящую штучку. По цвету она напоминала примус, который мама каждый день чистила на кухне до золотистого блеска. Я тогда ещё не знал, что так выглядит куколка, из которой потом выходит бабочка. Одним кончиком она была прикреплена к камню, на другом виднелись маленькие рожки, а вдоль спинки шли острые бугорки. Я, конечно, потрогал её, и она вдруг стала шевелиться. Эта штучка живая!

Я стал осматривать стену и нашёл ещё несколько таких же комочков. Некоторые были золотистые, другие серые. И вот тут

меня ждало чудо. У меня на глазах один из комочков лопнул, и из него стало вылезать какое-то существо.

Сначала показались длинные чёрные ноги, потом голова с круглыми зелёными глазами и тонкими усами. Наконец оно вылезло всё целиком. У него оказались маленькие красные крылья с голубыми пятнами. Да это же бабочка! Моему удивлению не было предела.

Черная с белыми точками гусеница павлиньего глаза живет на крапиве. На снимке гусеница и куколка этой бабочки.

Бабочка дневной павлиний глаз.

Но главное было ещё впереди. Бабочка уцепилась ногами за шкурку, из которой она только что вылезла, и повисла вниз крылышками. И крылышки стали расти, растягиваться, становились всё больше.

Я затаив дыхание смотрел на удивительное превращение. Прошло несколько минут, и передо мной сидела красавица бабочка с бархатными красными крыльями, на которых были нарисованы голубые глаза.

Я протянул руку. Бабочка пыталась взмахнуть крыльями, но не смогла. Крылья были совсем мягкими, «жидкими», и летать на таких крыльях было нельзя.

Я пересадил бабочку на руку и помчался домой. Мой рассказ поразил даже взрослых.

С той поры двор уже не казался мне скучным. Я обшарил все уголки и нашёл множество куколок.

Не один раз я наблюдал, как невзрачный серый комочек превращался в бабочку, иногда в красную, иногда в белую, видел, как за несколько минут вырастают её крылья, как потом за двадцать—тридцать минут они твердеют и бабочки начинают летать.

Постепенно я научился находить отложенные бабочками

яички, в особых коробах выводил из них гусениц, кормил их то крапивой, то листочками с деревьев.

Гусеницы быстро подрастали. Их одежда становилась им тесной. Однажды шкурка лопалась на спине, и гусеница сбрасывала её, оказавшись в новом, более ярком наряде. Так происходило несколько раз, а потом некоторые гусеницы подвязывали себя шёлковым пояском к стенке коробка и, сбросив в очередной раз шкурку, превращались в куколку. Другие плели из шёлка твёрдый непроницаемый кокон, но рано или поздно в коконе оказывалась дырка, а на поверхности сидела бабочка.

Я узнавал о бабочках всё больше и больше. А потом, когда прошло много лет, мне захотелось, чтобы обо всём этом узнали и другие.

Что же такое бабочки?

Согласно древней легенде к первому человеку на Земле подходили разные животные и он давал им названия. Он не полностью справился с этой задачей. До наших дней существует множество ещё не названных живых существ. И вообще это сказка.

На Земле живут миллионы разных зверей, птиц, рыб, насекомых, пауков и других животных. И среди них сто сорок тысяч видов бабочек.

У каждого народа для бабочек существуют свои названия. Например, бабочку-крапивницу кое-где у нас в стране называют шоколадницей, в Германии — маленькой лисичкой, в Англии — черепаховым панцирем, а во Франции — черепашкой.

Многие бабочки так похожи друг на друга, что люди их не различают.

Например, всех белых бабочек называют капустницами, а на самом деле, кроме капустной белянки, существует ещё и репница, и брюквенница, и рапсовая белянка, и степная, и многие другие.

А некоторые бабочки так редко попадаются на глаза, что вообще не имеют народных названий.

Чтобы не было путаницы, учёные договорились давать каждой бабочке вполне определённое научное название на латинском языке. На этом языке в наше время никто не говорит. Так что никому не обидно.

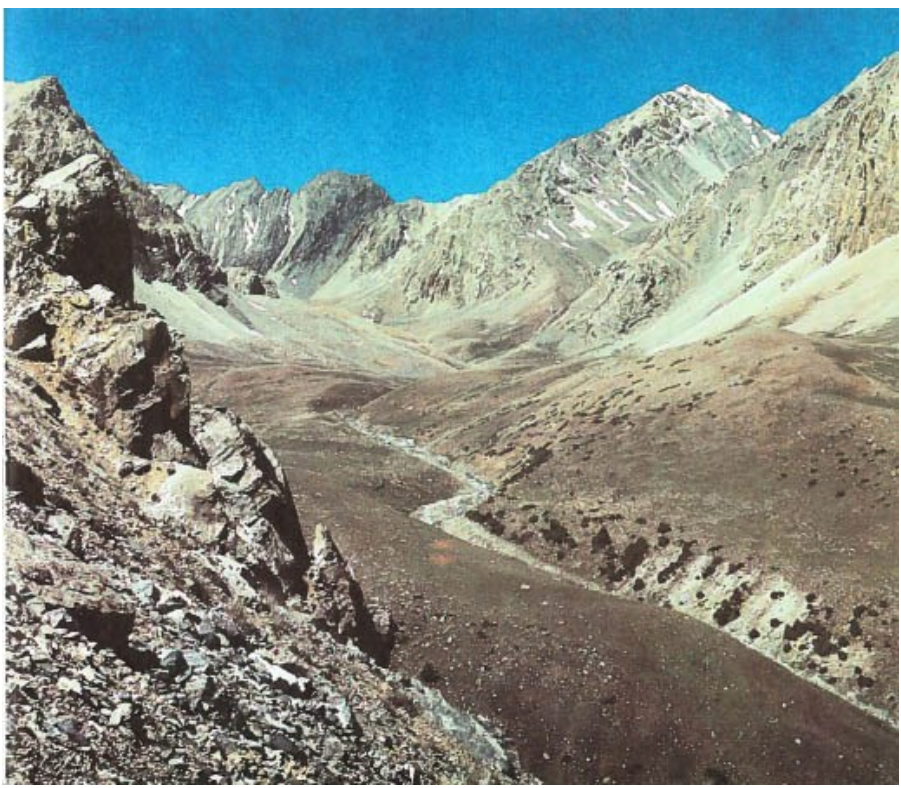
Название бабочке придумывает тот учёный, который впервые

нашёл или описал бабочку. Иногда он называет её по местности, где она водится, часто по цвету или форме крыльев.

Но особенно много бабочек названо именами древнегреческих героев, богов или сказочных существ.

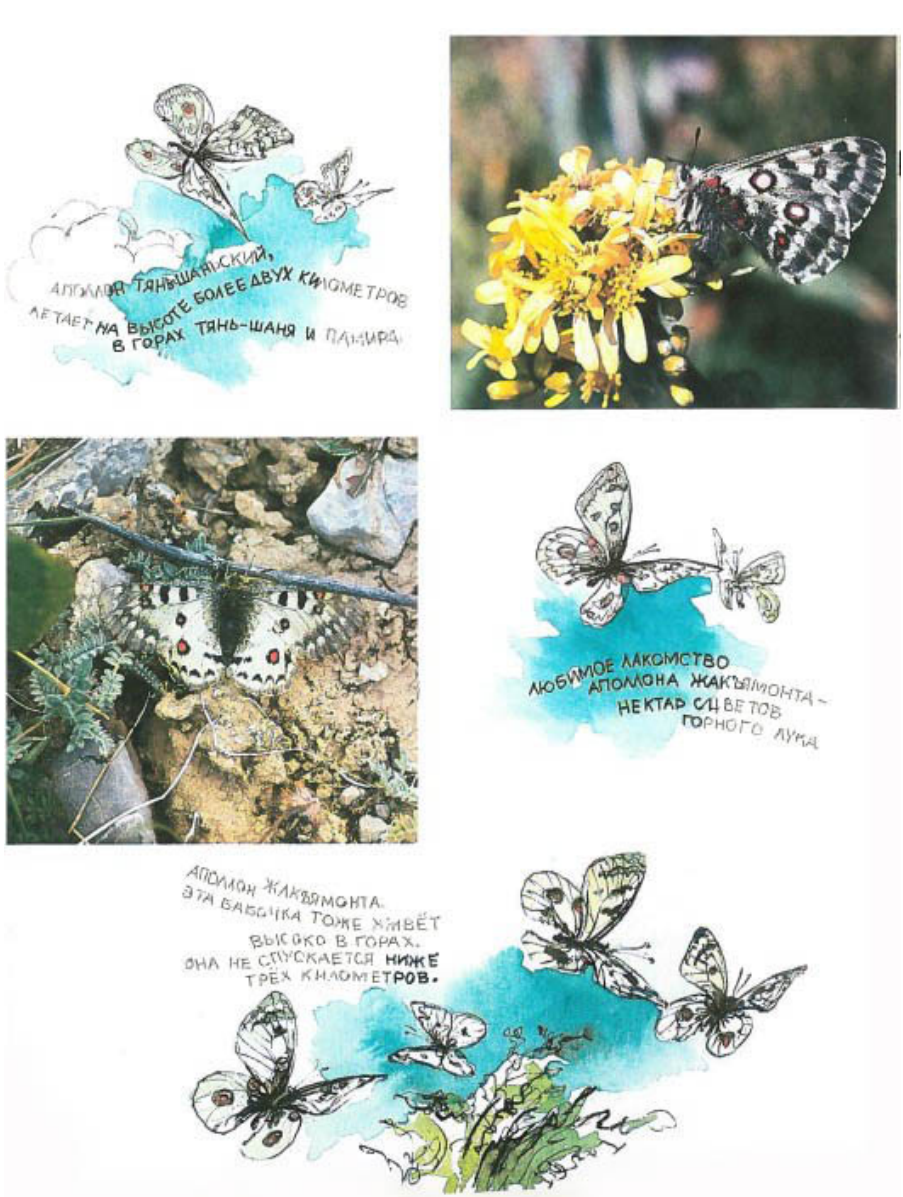
Был у древних греков бог красоты Аполлон. И вот одна из самых красивых наших бабочек называется «аполлон».

Памир. Здесь, на высоте более трех километров, на крутых каменных осыпях царство аполлонов.



Потом оказалось, что у аполлона много близких родственников. Поэтому к названию «аполлон» прибавляется дополнительное слово: аполлон тянь-шаньский (живёт в горах Тянь-Шаня), аполлон император (один из самых крупных аполлонов), аполлон Жакъямонта (по имени учёного).

Всего известно несколько десятков аполлонов.



Аполлон тянь-шаньский летает на высоте более двух километров в горах Тянь-Шаня и Памира.

Любимое лакомство аполлона Жакъямонта — нектар с цветов горного луга.

Аполлон Жакъямонта. Эта бабочка тоже живет высоко в горах, она не спускается ниже трех километров.

Легко ли отличить бабочек от других насекомых?

Много лет назад я прочёл рассказ одного натуралиста. Он приобрёл в Париже обезьянку и черепаху и возвращался домой в Англию. Когда он брал билет в кассе, неожиданно из его сумки выглянула обезьянья морда. Кассир, заметив это, сказал: «За собаку нужно взять полбилета».— «Но это не собака,— возразил путешественник,— это обезьяна».— «Не вижу разницы,— заявил кассир,— берите билет».

Тогда, вытащив из сумки черепаху и положив её перед кассиром на окошко, натуралист спросил: «А что я должен платить за это?» Кассир, надев очки, долго рассматривал черепаху и, наконец, решил: «За это платить не надо, это насекомое».

Вы, конечно, легко отличите черепаху от насекомого. Многим может показаться, что столь же легко отличить бабочек от других насекомых.

Однажды, лет двадцать назад, мы с сыном отправились на экскурсию в густой лес в окрестностях старинного подмосковного города Серпухова.

Я высматривал интересных бабочек: огненных червонцев, или коричневых эфиопок, или красно-синих пестрянок. Кругом летало множество разных бабочек. И я почти не обратил внимания на двух огромных шершней. Они грелись на солнце на косом срезе замшелого пня. Я, но не мой сын.

— Папа, посмотри! Что это? — крикнул он.

— Шершни, конечно. Видишь, жёлтое в чёрную полосочку тело, прозрачные крылья.

— Да нет, ты посмотри!

И тут я увидел. Да это же бабочки! Бабочки-стеклянницы, которые, чтобы напугать врагов, изображают злющего шершня.

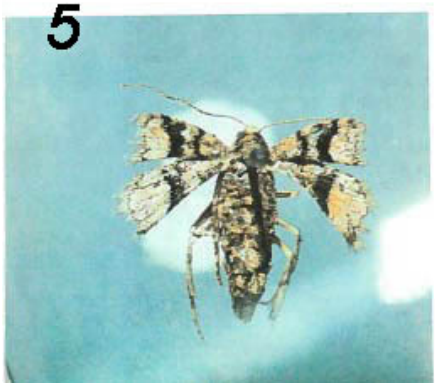
Острый взгляд моего сына заметил чуть более длинные усики, чуть менее блестящее тело, чем у настоящего шершня.

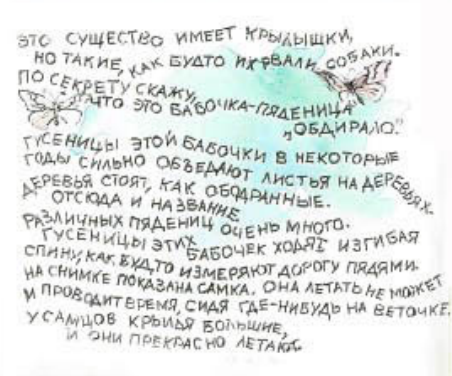
ПОСМОТРИТЕ НА ФОТОГРАФИИ И СКАЖИТЕ, ГДЕ ЗДЕСЬ БАБОЧКИ, А ГДЕ НЕТ.

1) Может быть, это паук, который строит из паутины сети и ловит в них мух? Или клещ, который впивается в тело и сосет кровь?

2) Ну а это, конечно, оса! Кто же еще может быть в желтую полосочку и с прозрачными крыльями? А вдруг кто-то еще.

3) Жук? Не жук? Таракан? Не таракан? Кто бы это мог быть?




ЭТО СУЩЕСТВО ИМЕЕТ КРЫЛЫШКИ,
НО ТАКИЕ, КАК БУДТО ИХ ПОРВАЛИ СОБАКИ.
ПО СЕКРЕТУ СКАЖУ, ЧТО ЭТО БАБОЧКА-ПЯДЕНИЦА
„ОБДИРАЛО".
ГУСЕНИЦЫ ЭТОЙ БАБОЧКИ В НЕКОТОРЫЕ
ГОДЫ СИЛЬНО ОБЪЕДАЮТ ЛИСТЬЯ НА ДЕРЕВЬЯХ.
ДЕРЕВЬЯ СТОЯТ, КАК ОБОДРАННЫЕ.
ОТСЮДА И НАЗВАНИЕ.
РАЗЛИЧНЫХ ПЯДЕНИЦ ОЧЕНЬ МНОГО.
ГУСЕНИЦЫ ЭТИХ БАБОЧЕК ХОДЯТ ИЗГИБАЯ
СПИНУ, КАК БУДТО ИЗМЕРЯЮТ ДОРОГУ ПЯДЯМИ.
НА СНИМКЕ ПОКАЗАНА САМКА, ОНА ЛЕТАТЬ НЕ МОЖЕТ
И ПРОВОДИТ ВРЕМЯ, СИДЯ ГДЕ-НИБУДЬ НА ВЕТОЧКЕ.
У САМЦОВ КРЫЛЬЯ БОЛЬШИЕ,
И ОНИ ПРЕКРАСНО ЛЕТАЮТ.

4) Если это шершень, то лучше его не трогать, кусается пребольно, и рука распухнет.

5) А это кто? Неужели не догадались?

Это существо имеет крылышки, но такие, как будто их порвали собаки. По секрету скажу, что это бабочка-пяденица "обдирало". Гусеницы этой бабочки в некоторые годы сильно объедают листья на деревьях. Деревья стоят, как ободранные. Отсюда и название. Различных пядениц очень много. Гусеницы этих бабочек ходят изгибая спинку, как будто измеряют дорогу пядями. На снимке показана самка, она летать не может и проводит время, сидя где-нибудь на веточке. У самцов крылья большие и они

прекрасно летают.

6) Что за страшный зверь глядит из лесной чащи? Глаза огромные, в половину морды.

Все насекомые на этих фотографиях — бабочки.

Бескрылая самка пяденицы щетинистой (1).

Одна из осовидных стеклянниц. Стеклянницами эти бабочки названы за прозрачные, как стекло, крылья. Многие из них похожи на ос и шершней (2).

Самка пяденицы-пешехода. Такое название понятно: бабочка не

летает, а ходит пешком (3).

Шугнанская стеклянница. Она живёт в горах Памира и очень похожа на шершня. Птица не рискнёт тронуть такую добычу (4).

Хотя у бабочки-совки имеются крылышки, но они слишком тонкие, и бабочка не летает. Ранней весной она попадается на ветвях кустарников в пустыне Каракум (5).

Это не голова зверька, а бабочка-сатурния, или малый ночной павлиний глаз. Есть ещё и большой павлиний глаз, но рассказ о нём впереди. Нарисованные на крыльях глаза напугают кого хочешь, а настоящие глазки у бабочки совсем маленькие и помещаются на голове. На снимке они не видны (6).

А совсем недавно мы с товарищем собирали бабочек в Средней Азии у озера Сары-Челек. Идём по тропинке. Рядом, вдоль дорожки, на густых кустах наливались пурпурным или жёлто-янтарным соком ягоды алычи. И всё время пересекали дорогу какие-то синие осы, крупные и надоедливые.

Летали они, летали, пока одна не пролетела совсем близко от нас. Ну я её и поймал без особой цели.

Открываю сачок, а это какая-то невиданная стеклянница.

Бабочки подражают шмелям и комарикам, а то совсем червячки какие-то, или сухие веточки, или засохшие листики.

А одна путешественница — собирательница бабочек заметила как-то на зелёном листочке птичий помёт, белую с чёрным небольшую кляксу.

Но, наученная разным бабочкиным хитростям, подумала: «А не бабочка ли это замаскировалась?»

Она решила разглядеть кляксу поближе. Долго рассматривала её и совсем уж было убедилась, что это помёт. Но когда она резко отодвинулась, думая, что осторожничать не надо, «помёт» улетел.

Вот какая маскировка у бабочек!

Бабочки-червонцы названы так за свой золотисто-красный цвет. Во многих районах нашей страны живет огненный червонец.

Он очень похож на червонца Сольского[1], который показан на фотографии. Червонец Сольского встречается высоко в горах Памира и Западного Тянь-Шаня.

Самец непарного червонца похож на червонца Сольского. А самка совсем другая — пятнистая, поэтому и называется "непарный червонец".

Озеро Сары-Челек в Чактальском хребте на Западном Тянь-Шане.

Как же всё-таки узнать, что перед вами бабочка?

Во-первых, у бабочки четыре крыла. Но не всегда. Иногда у бабочек вообще нет крыльев.

Во-вторых, у бабочек шесть ног. Но не всегда. Иногда у бабочек четыре ноги. А иногда совсем нет ног.

В-третьих, у бабочек есть хоботок для сосания нектара. Но опять же не всегда. У некоторых бабочек бывают зубы. А у других ни зубов, ни хоботка.

В общем, сплошная путаница. Того нет, этого нет. А что же

всё-таки главное?

А то, что простым глазом не всегда и увидишь. Чешуйки!

Крошечные такие пластиночки, иногда узкие, как волоски, или чуть пошире и узорчатые. Хорошо разглядеть их можно только под микроскопом.

Чаще всего они уложены на крыльях, как черепица на крыше, но иногда торчат во все стороны, как волоски на меховой шубке. А бывает, что приютятся где-нибудь по краешку крыла, и тогда крылья почти прозрачные.

Чешуйки! Вот что у бабочек главное! Поэтому учёные называют бабочек чешуекрылыми. И если вы видите насекомое, покрытое чешуйками, даже без крыльев, даже без хоботка, то скорее всего это бабочка.

Синяя стеклянница.

Бабочка на четырех ногах. Обычно у бабочек шесть ног, но иногда передняя пара недоразвита. Тогда бабочки пользуются только четырьмя ногами. На снимке одна из дальневосточных

бабочек-чернушек. Видны только две правые ноги, а левые скрыты. Хорошо виден хоботок.

Мозаика из чешуек на крыле бабочки. По краю расположены длинные белые чешуйки-бахромка. Увеличено в 10 раз.

Цвет и свет

Внешне бабочки различаются по форме крыльев и тела, по окраске и по рисунку на крыльях.

А всё разнообразие линий и пятен на крыльях определяется чешуйками. Каждая чешуйка имеет свой цвет, и рисунок складывается из чешуек, как мозаика.

Были бы чешуйки покрупнее, можно было бы складывать рисунок самим. Но в этом нет нужды. Природа создала столько картинок на крыльях бабочек, что придумать новые почти невозможно.

Расцветка чешуек у бабочек не так уж разнообразна. Чешуйки бывают пяти цветов. Но на крыльях бабочек часто смешиваются чешуйки разного цвета. Если на крыле вперемежку расположены, например, красные и жёлтые чешуйки, то крыло покажется нам оранжевым.

Чешуйки прикреплены к поверхности крыла, каждая в своей точке. Они частично накладываются одна на другую, покрывают так всё крыло.

Чешуйки такие маленькие, что на крыле крупной бабочки их умещается целый миллион. Они расставлены в определённом порядке, и мы видим рисунки, как будто нарисованные тончайшим пером. Чешуйки покрывают крыло с двух сторон — сверху и снизу. Поэтому рисунок сверху и снизу часто совсем разный.

Чешуйки на крыле держатся очень слабо. Не следует брать

бабочку за крылья. Достаточно лёгкого прикосновения, и чешуйки стираются, а бабочка утрачивает всю свою красоту. Под чешуйками видна лишь бесцветная некрасивая плёнка.

Не всегда цвет бабочек определяется только окраской чешуек.

Кроме цвета, бабочки используют и свет. Обычный солнечный свет, который состоит из смеси всех цветов и потому кажется белым. Так вот, у некоторых бабочек чешуйки похожи на маленькие зеркальца, которые отражают солнечный свет. Но чешуйки устроены так хитро, что отражают только лучи одного цвета. Но и это не всё. В разные стороны отражаются лучи разного цвета — зелёные, синие или фиолетовые. Как солнечные «зайчики», только цветные.

Особенно яркими, зеркально-синими или фиолетовыми цветами сверкают бабочки из Южной Америки — морфо.

Их крылья блестят, как цветная фольга в обёртках конфет. Переливы сине-фиолетового цвета есть и у наших лесных бабочек-переливниц.

Переливница.

Ядовитые бабочки

Вспомнился мне один случай, который произошел давным-давно. Летними днями бегал я по саду в одних трусах, и загнать меня домой к обеду или ужину было почти невозможно: так много открытий совершалось в этом саду, а лет мне от роду было шесть.

Но в тот день я прибежал домой среди бела дня сам, и по моему испуганному лицу мама сразу догадалась: что-то случилось.

У меня на груди, слева, виднелся красный прямоугольник размером со спичечную коробку, кожа покрылась волдырями, как при ожоге, и нестерпимо болела. Я едва удерживался, чтобы не заплакать, больше от испуга.

Мама тоже перепугалась. Быстро надев на меня штаны и майку, она чуть не бегом потащила меня к доктору. Я не сопротивлялся, хотя доктора недолюбливал и даже побаивался. И не потому, что он смазывал йодом мои царапины, а потому, что, закончив эту процедуру, дёргал меня за нос и говорил: «Валяй дальше!»

И вот мы добежали до доктора. Он сидел в белом кабинете и, казалось, только нас и ждал.

— Итак, что сегодня? Футбольная травма или неудачный полёт?

Мама стянула с меня майку и сказала:

— Вот!

Доктор нагнулся и стал разглядывать красный квадрат. Потом, подняв брови, поглядел мне в лицо весьма задумчиво. У

меня из глаз текли слёзы, и я тыльной стороной ладони вытирал их, размазывая по лицу.

— У тебя рубашка с карманом есть? — спросил доктор.

— Есть, есть! — сказала мама.— Беленькая такая.

— Так, так, вот то-то и оно, что беленькая, впрочем, это не так важно. А когда ты в последний раз её надевал?

— Вчера вечером мы к Людмиле Николаевне с ним ходили. Вы её знаете. Я и одела его поприличнее,— ответила за меня мама.

— Ну, а что ты клал в карман? — вновь обратился ко мне доктор. И тут я вспомнил! Действительно, накануне вечером были мы у маминой подруги, которая жила неподалёку от нас. Мне было скучно сидеть со взрослыми, и я выбежал в сад. Я в нём часто бывал и потому знал здесь много интересных уголков. Было ещё довольно светло, хотя в тех краях летом темнело рано. На ближайшем дереве я увидел целый выводок красивых мохнатых гусениц. Какая досада, что я не взял с собой коробку! Попросить у хозяйки я стеснялся, а упустить добычу нельзя. Оставался единственный выход: набить гусеницами карман, что я и сделал. Чтобы гусеницы не расползлись, я прижимал край кармана к груди.

Я побродил по саду, но гусеницы в кармане непрерывно копошились, и карман приходилось всё время придерживать. Кроме того, быстро темнело, и я вернулся в дом.

«Мам, пойдём домой».

«Подожди, дай поговорить. Что ты там держишь?» — спросила мама, вовсе не ожидая ответа.

Я походил по комнате, высматривая, нет ли ещё какой живности на потолке или стенах, но ничего не обнаружил.

«Мам, пойдём домой».

«Пойдём, пойдём!» — сказала мама, прощаясь с подругой.

Всю дорогу я плотно прижимал карман к груди. Я боялся, что в темноте не увижу, как мои животные расползутся. Дома я посадил их в коробку.

— Вот, вот,— сказал доктор.— Я так и думал, что ты кого-нибудь туда посадил.— И к маме: — Ничего страшного, дня через три пройдёт. Гусеницы-то были ядовитые. Волоски у них ломаются и впиваются в кожу. Так что будет ему наука.

Он достал из шкафчика какую-то баночку с вонючей мазью и помазал красный квадрат. Боль стала быстро утихать.

— Ну как, легче?

— Легче,— ответил я, успокаиваясь.

Доктор усмехнулся, протянул руку и дёрнул меня за нос:

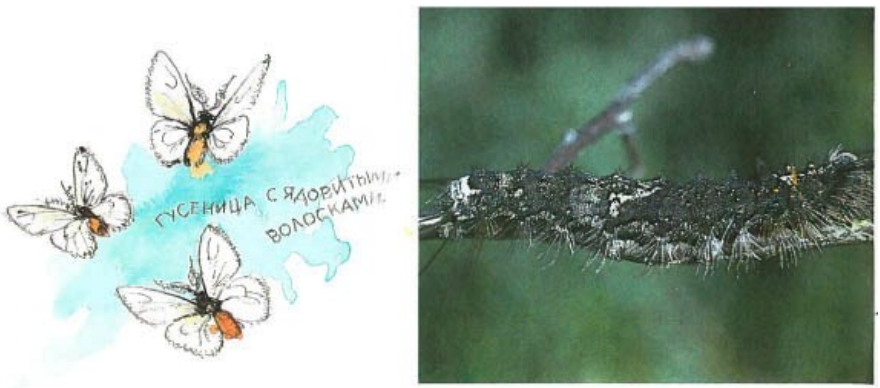
— Ну, валяй дальше!

Я опять не успел увернуться.

— Скажи доктору «спасибо»,— напомнила мама.

— Спасибо,— буркнул я.

Теперь, по прошествии многих лет, трудно вспомнить, что за гусеницы причинили мне столько неприятностей, но я думаю, это была златогузка — злой вредитель садов и лесов. Не только прикосновение к этой гусенице опасно. В годы массового размножения бабочки-златогузки обломки волосков летают в воздухе и могут вызвать заболевания дыхательных путей. И даже пушок со спины белой как снег бабочки ядовит.



Гусеница с ядовитыми волосками.

Будет буря

Детство я провёл в Пятигорске. Мы жили на втором этаже, и из окон открывался вид на горы. Ближе всего были два холма — Юца и Джуца, а далеко на горизонте в ясные дни светился белоснежный Эльбрус.

Под окнами был большой запущенный сад со множеством деревьев. Среди них росло даже гинкго — японское дерево с листочками в виде маленьких вееров. Этот сад и был тем местом, где началось моё настоящее знакомство с бабочками.

Как правило, в саду летали самые обычные бабочки — репейницы, крапивницы, белянки. Но иногда появлялись и совсем особенные.

Огромные, с длинными хвостами на крыльях. Они поражали меня своими размерами. И полёт у них был особенный — планирующий, с редкими взмахами крыльев.

Я издалека замечал этих бабочек и мчался за ними через весь сад. Это были два парусника — махаон и подалирий, названные по имени братьев, древнегреческих врачей, участников Троянской войны.

Они самые крупные из европейских дневных бабочек. Я, да и большинство взрослых, считали тогда, что чем бабочка ярче и больше, тем она интересней и желанней. Поймав бабочку, я не знал, что с ней делать. Для меня непереносимыми были мучения бабочки, наколотой на булавку злым мальчишкой, соседом по двору. Я приносил бабочку домой, и она долго летала по комнате или билась о стекло, пока не погибала или не улетала в случайно

открытое окно. В комнате всегда порхало несколько бабочек.

БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕННИКИ МАХАОНА.
ПАРУСНИК КСУТ, БЛИЖАЙШИЙ РОДСТВЕННИК МАХАОНА (ДАЛЬНИЙ ВОСТОК)
ПАРУСНИК АЛКИНОЙ.
АЛКИНОЙ-САМЫЙ РЕДКИЙ ИЗ ПАРУСНИКОВ НАШЕЙ СТРАНЫ.
ОН ЖИВЁТ НА НЕБОЛЬШИХ УЧАСТКАХ В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ, ГДЕ РАСТЁТ ЛИАНА-КИРКАЗОН МАНЬЧЖУРСКИЙ. В ТАКИХ МЕСТАХ АЛКИНОЙ ВСТРЕЧАЕТСЯ ВО МНОЖЕСТВЕ.
БАБОЧКА ЗАНЕСЕНА В КРАСНУЮ КНИГУ СССР.

Ближайшие родственники махаона.

Парусник ксут, ближайший родственник махаона (Дальний Восток).

Парусник алкиной. Алкиной — самый редкий из парусников нашей страны. Он живет на небольших участках в Уссурийской тайге, где растет лиана — Кирказон маньчжурский. В таких местах алкиной встречается во множестве. Бабочка занесена в Красную книгу СССР.

ГУСЕНИЦА ПАРУСНИКА АЛКИНОЯ ПРИГОТОВИЛАСЬ К ОКУКЛИВАНИЮ ПРИВЯЗАЛА СЕБЯ ШЁЛКОВЫМ ПОЯСКОМ К ВЕТКЕ.
ПАРУСНИК АЛКИНОЙ (КУКОЛКА).
В БОЛЕЕ СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ ЖИВЁТ МАЛЫЙ НОЧНОЙ ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ. САМЦЫ ЭТОЙ БАБОЧКИ ЛЕТАЮТ ДНЁМ, ОНИ МАЛО ПОХОЖИ НА САМОК.

Гусеница парусника алкиноя приготовилась к окукливанию, привязала себя шелковым пояском к ветке.

Парусник алкиной (куколка).

В более северных районах живет малый ночной павлиний глаз. Самцы этой бабочки летают днем, они мало похожи на самок.

Труднее было найти ночных бабочек. Ночью на свет летели не только бабочки, но и комары: Пятигорск в те времена был малярийным местом. Кроме того, считалось, что на свет могут залететь летучие мыши, которые будто бы имеют привычку цепляться за волосы. Тогда этому почему-то верили. Поэтому

окна вечером старались не открывать, и для меня праздником были вечера, когда это правило нарушалось.

Особенно запомнился мне один вечер в середине мая 1935 года. Уже отцвела сирень, на яблонях были довольно крупные завязи. В этот вечер к нам пришёл кто-то из знакомых, и все сидели за столом. Было очень душно, невыносимо душно, и пришлось открыть окно. Чёрная ночь была совсем рядом, а в этой ночи жили своей жизнью невиданные бабочки. Я был настороже.

И всё же я пропустил момент, когда в комнате появилось это существо. Что-то огромное, тёмное ударилось в абажур лампы и учинило переполох.

— Летучая мышь! Гоните её! Полотенцем, полотенцем!

Мама, опасаясь за свои волосы, выскочила в коридор, мужчины бились с непрошеной гостьей. Но я-то знал, кто это! И я знал, что надо делать,— я закрыл окно. А огромная бабочка, напуганная, металась по комнате. Я больше всего боялся, что её заденут полотенцем.

— Стойте, это бабочка! — вопил я.

И наконец, преследователи остановились. Усталая бабочка, ударившись раза два о стены, успокоилась и села на штору.

Да, это была она — сатурния, серо-коричневая, с зигзагами молний поперёк крыла, с четырьмя цветными глазами и белой, как из горностаевого меха, оторочкой по краю крыльев.

Она сидела в тени. Ярко выделялась светлая кайма, да четыре глаза пронзительно глядели на меня из темноты.

Грушевая сатурния, или большой ночной павлиний глаз. Бабочка водится в южных районах европейской части нашей страны и в Закавказье. Гусеница питается листьями плодовых деревьев. Размах крыльев бабочки до 15 сантиметров.

Мне стало жутковато, и, вероятно, не только мне. Наш гость сказал:

— Не прикасайся к ней, её нельзя трогать! Она приносит несчастье!

— Какое несчастье? — я нерешительно остановился.

— Не трогай! Видишь, какое страшилище, глаза-то, глаза!

Я стоял не двигаясь. Гость нагнал на меня страху.

— Если её поймать, будет буря,— наконец произнёс он. У меня отлегло от сердца.

«Всего-то буря»,— подумал я, и бабочка была у меня в руках. Ей нашлось место в большой коробке.

Всю ночь я не спал, прислушиваясь, как трепыхается в коробке моя добыча. Вскочив чуть свет, я приоткрыл коробку. Вид у бабочки был жалкий, пыльца облетела, крылья обтрепались. Но всюду на стенках коробки я увидел множество маленьких белых продолговатых яиц.

Дальнейшее изучение пришлось отложить, так как нужно было одеваться, завтракать, идти в детский сад.

Но и в детском саду я ни на минуту не забывал о вчерашнем происшествии.

А днём налетела гроза, ураган ломал деревья. Небо непрерывно полосовали молнии, а мне чудились зигзаги на крыльях сатурнии. Ливень перешёл в град, и детей увели в комнаты на противоположной стороне дома, так как градины грозили разбить окна. Стоял грохот от града, от грома, от ветра, от сорванных с крыши листов железа.

А когда всё стихло и нас отпустили домой, возвращаться пришлось по толстому слою града, стёкла в окнах были разбиты, на деревьях не было ни одного листочка, ни одной завязи. Было очень холодно. Деревья в тот год цвели и распускались вторично, но яблоки поспеть не успели.

Придя домой, я со страхом открыл коробку и выпустил бабочку в окно.

Впоследствии я много раз ловил сатурний, но буря больше не повторялась ни разу. Теперь-то я думаю, что наш гость просто знал прогноз погоды.

Голубые молнии

Мой внук как-то спросил меня:

— А какие самые большие-пребольшие бабочки?

— Вот такие,— и я отмерил на его ручонке целую у пядь.

— А мы поймаем такую?

— Может быть, и поймаем, если когда-нибудь попадём с тобой в Бразилию, Африку или Новую Гвинею.

— А это далеко — Бразилия?

— Очень далеко. На другом конце Земли, в Америке.

— А какие там бабочки?

— Там, пожалуй, самые красивые бабочки. Помнишь, я показывал тебе бабочку морфо?

— Это такая большущая, синяя-пресиняя, совсем фиолетовая?

— Да, ты прав, она переливается разными цветами. Посмотришь с одной стороны, она зелёная и как будто светится, чуть наклонишь — она уже синяя, а ещё повернёшь — почти фиолетовая. И блестит, как ёлочный шар. Летает она высоко-высоко, у самых верхушек деревьев.

— Вот бы нам на ёлку такую,— сказал внук.

— Ёлку такими бабочками не украшали, а вот когда-то давно английская королева стала украшать такими бабочками свою причёску.

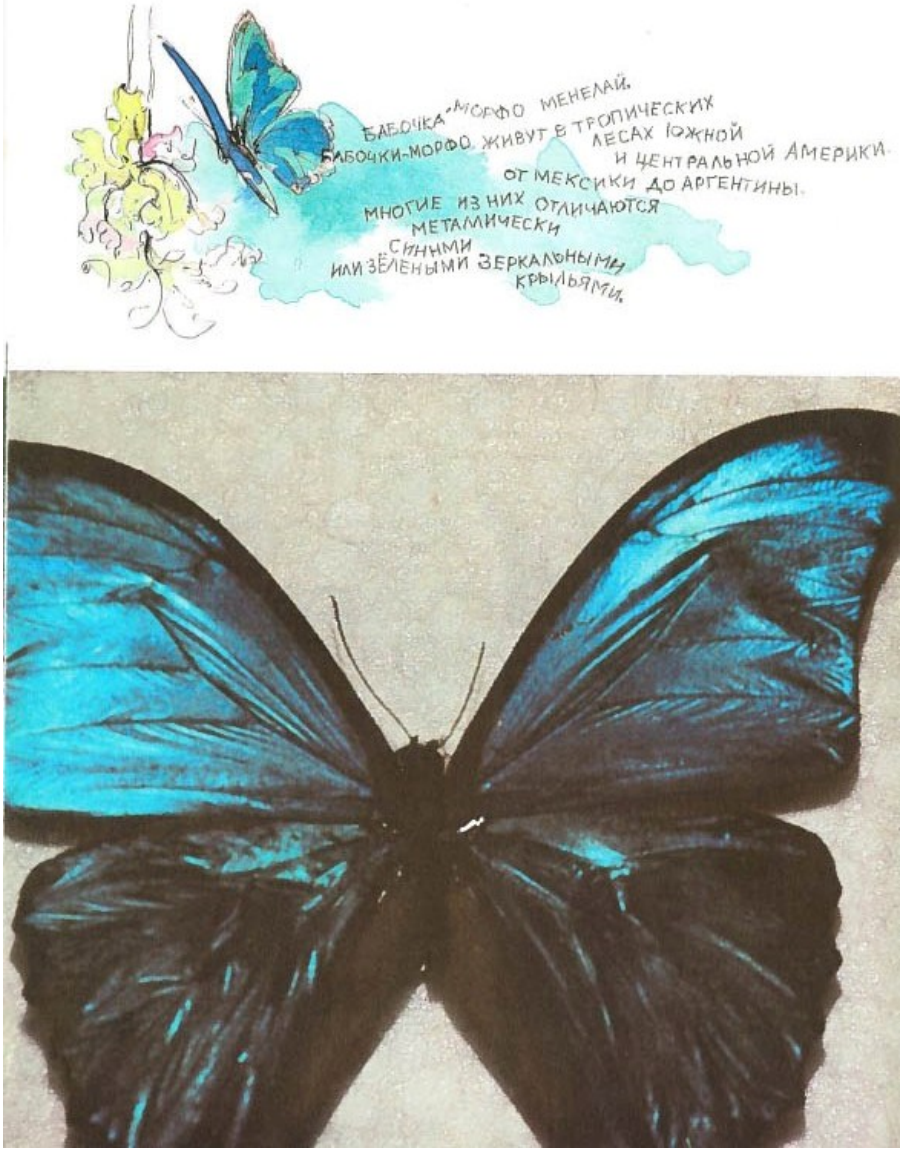
Когда на балу придворные дамы увидели в её волосах такое чудо, сверкавшее ярче самых драгоценных сапфиров, они чуть не лопнули от зависти. Где достать такую роскошь?

Вскоре стало известно, что этих бабочек привозят из Бразилии. Ходили слухи, что живут они в тех местах, где добывают сапфиры, синие драгоценные камни. Потому и бабочки такие синие.

— А они от камней синие?

— Нет, конечно. Я же рассказывал тебе, что у них чешуйки на крыльях особые: они отражают синие лучи, как зеркальца. Поплыли в Бразилию заказы на чудесных бабочек. И в Бразилии появился новый промысел — охота за летающими сапфирами.

Спрос на бабочек морфо в Европе был так велик, что целые деревни в Бразилии жили охотой на этих бабочек. Появилось множество перекупщиков, которые покупали их за бесценок и с огромной выгодой перепродавали в Европу. Крыльями бабочек украшали даже подносы.


БАБОЧКА-МОРФО МЕНЕЛАЙ.
БАБОЧКИ-МОРФО ЖИВУТ В ТРОПИЧЕСКИХ ЛЕСАХ ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ ОТ МЕКСИКИ ДО АРГЕНТИНЫ.
МНОГИЕ ИЗ НИХ ОТЛИЧАЮТСЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИ СИНИМИ ИЛИ ЗЕЛЕНЫМИ ЗЕРКАЛЬНЫМИ КРЫЛЬЯМИ.

Бабочка морфо менелай. Бабочки морфо живут в тропических лесах Южной и Центральной Америки от Мексики до Аргентины. Многие из них отличаются металлически синими или зелеными крыльями.

Много рассказов сохранилось про ловцов морфо. Вот послушай.

Один из охотников жил лет сто тому назад или больше в глухой деревушке, которая стояла на берегу мелкого протока

Амазонки.

В деревушке было всего лишь несколько хижин, они стояли на высоких сваях. В период разлива вода в протоке настолько поднималась, что плескалась у порога. Стены хижин делались из расщеплённых стволов пальм, а крыши из пальмовых листьев. Кругом был тропический лес, прорезанный тропинками. Они вели на десятки миль в глубь леса, где располагались такие же хижины.

В нескольких местах тропинки пересекались с более широкими просеками и дорогами, ведущими к кофейным плантациям.

Ловца бабочек звали дон Хуан Марипоза. Почему «дон» — никто не знал. Хижина его была самая бедная, и мало вероятно, что он был обучен грамоте. А «Марипоза» было его прозвищем, потому что «марипоза» по-испански «бабочка». И никто лучше его не знал, где отыскать какую-нибудь редчайшую морфо. К нему-то и приезжал скупщик-испанец, когда к концу октября вода в протоке спадала и течение становилось не таким быстрым. К этому времени Хуан успевал наловить достаточное количество морфо. И хотя, как уже говорилось, грамоту он не разумел, зато точно знал названия всех разновидностей морфо, живущих в округе. Наверное, от скупщика.

Узкие тенистые дорожки в густом лесу были прибежищем огромных синих со свинцовым отблеском морфо Менелая. Неторопливо взмахивая гигантскими крыльями, изредка появлялись самки. У них синева крыльев была припрятана в широкой чёрной с пятнами кайме. А самцы — те даже в полумраке лесного коридора горели, как сапфиры.

Но совсем фантастические видения готовили широкие дороги. Хуан в душе был романтиком, и, подходя к такой дороге, он каждый раз с замиранием сердца ждал вспышки ослепительно синего луча, который посылал чуть не за полкилометра ни с чем не сравнимый морфо ретенор.

Крылья морфо вбирали в себя весь солнечный свет, а затем щедро разбрасывали его по округе в переливах зелёного, синего и фиолетового. В такие моменты Хуан забывал, что там, в небе, на огромной высоте, летает его заработок. Морфо ретенор не спускался ниже десяти метров, и казалось, поймать бабочку невозможно. Но не для Хуана.

Самое удобное место — перекрёсток двух широких дорог. Здесь пересекаются пути «синих солнц», как называл про себя ретеноров Хуан.

Здесь они появляются чаще.

Хуан отступает в тень огромного дерева масарандуба, со

ствола которого свисают лохмотья красноватой коры. На конец двухметрового удилища он привязывает пойманного в лесной чаще морфо Менелая с развёрнутыми крыльями и выставляет конец удилища на солнце. Теперь ни один ретенор не пролетит мимо. То ли синие сигналы от крыльев Менелая вызывают любопытство, то ли он, ретенор, принимает их за сигналы соперника, вторгшегося на его территорию,— неизвестно. Но он бросается вниз, пикирует на голубую приманку, и взмах сачка Хуана прерывает полёт. Охота требует терпения и ловкости. Вспугнутая неудачным взмахом сачка, бабочка вернётся не скоро.

Чтобы найти оранжево-коричневую морфо гекубу, приходится проделывать путь в несколько километров. Нужно встать затемно, чтобы попасть на край кофейной плантации с первыми лучами солнца.

Здесь у самых вершин высоченных деревьев летали морфо гекубы. Они гонялись друг за другом или парили в душном воздухе без единого взмаха крыльев. Огромные, как птицы, самые большие из всех морфо. Охотнику приходилось рассчитывать на везение — лишь в редчайших случаях бабочки спускались достаточно низко, и их можно было поймать.

Тропическая заря коротка, а с восходом солнца гекубы исчезали совсем. Нередко охотник оставался без добычи.

Но на смену гекубам появлялись другие морфо. Они были меньше размером, но очень яркие. Хуан называл их «голубыми молниями» за зеркально-голубые вспышки или «зеркальцами» за серебряный блеск крыльев. Эти бабочки летали значительно быстрее других и были почти неуловимы.

Таков был мир Хуана. С самого утра ходил он по зелёному лабиринту в поисках морфо. Днём суховатая лепёшка была его единственной пищей. Домой Хуан возвращался к вечеру. В быстро наступающих сумерках ему иногда попадалась перламутровая морфо, любительница лесной тени и вечернего полумрака. Её беловатые крылья, казалось, сделаны из жемчуга.

Конечно, на лесных дорогах и просеках, вдоль ручьёв с ненадёжными мостиками летало множество других бабочек. Многие из них по красоте могли соперничать с морфо. Но для Хуана существовали только бабочки морфо.

Его приводило в восторг не только зеркальное сияние их крыльев, но и способность мгновенно исчезать, едва бабочка садилась на ствол дерева. У всех морфо нижняя сторона крыльев коричневая, с серебристыми полосками и иногда с чёрными кольцами — «глазами». Переход от голубого сияния к полной невидимости всегда происходил неожиданно. Сев на дерево, бабочка пропадала, и это казалось Хуану сверхъестественным.

Вся скромная жизнь Хуана Марипозы проходила среди морфо, и эти бабочки были единственной его отрадой.

В период дождей и разливов, особенно в марте и апреле, когда вода плескалась почти у порога, охота на морфо была невозможна.

Эти месяцы были самыми тоскливыми. Но вот ливни становились реже, протоки мелели, и можно было идти в лес, Хуан оживал, радуясь встречам с морфо.

К концу сухого сезона появлялся скупщик, чтобы забрать голубое богатство и отдать Хуану гроши. И хотя охотнику нужны были деньги и жил он впроголодь, Хуан с тревогой ждал этих дней. Вместе с бабочками он отдавал часть своей души.

Сколько интересного узнали бы мы о жизни этих бабочек, если бы Хуан умел писать!

Зубастые бабочки

Часто разговор начинается с одного, а перескакивает совсем на другое. Вначале у меня и мысли не было рассказывать о зубастых бабочках. Мы говорили с другом о переливницах, и я показывал ему целую коробку этих бабочек.

— Вот взгляни,— говорю,— на это чудо. Поближе к свету! Видишь, как горят сине-фиолетовым огнём крылья. Поверни слегка — и у всех бабочек сразу пламя перетекает с крыла на крыло.

— Где же ты их столько наловил? — спрашивает мой товарищ и поворачивает коробку так и этак, любуется переливами света.

— Это же обычнейшие бабочки. Летом в июле их можно поймать на лесных дорогах, где какая-нибудь лужица или конский навоз.

— Навоз? А что же они там делают?

— Кормятся, конечно. Сосут влагу, минеральные соли. Со всего леса слетаются.

— Ну и вкус у них! — мой собеседник посмотрел на бабочек уже без прежнего восхищения.

Я поставил коробку на место.

— Позволь, а разве бабочки не нектаром питаются? — спросил друг.

— Многие, конечно, нектаром, но многие любят перебродивший сок, который вытекает из пораненных деревьев, особенно весной. Некоторые бабочки вообще всю жизнь ничего не едят. Взрослые. А есть и такие, что грызут что-нибудь

подходящее.

— То есть как это, грызут? — мой друг даже отодвинулся от меня, уж не разыгрываю ли я его.

— Обыкновенно,— отвечаю,— зубами.

Тут уж он окончательно уверился, что я над ним подшучиваю. И решил отвечать мне тем же.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что они ещё и кусаются, как собаки?

— Нет,— говорю,— эти бабочки вполне безопасны, хотя и зубастые. Крохотные совсем. Не больше мухи.

— Ну, я вижу, что и от бабочек следует держаться подальше. Маленькая-то маленькая, а как тяпнет, небось не обрадуешься. Ничего себе, зубастые бабочки! Никогда бы не подумал.

Кажется, всё-таки поверил, что я говорю всерьёз.

— Они, правда, называются не зубастые, а зубатые, но это дела не меняет. Зубатые моли. Очень древние бабочки.

— Ах, моли! Это те, что раньше ели меха, а теперь, говорят, перешли на синтетику? С зубами можно и синтетику.

Я засмеялся.

— Нет, совсем не то. Меха едят не бабочки, а их гусеницы. И кроме того, молей множество. Тысячи разных молей! А меха едят совсем другие. Представь себе Землю сотни миллионов лет назад. На ней нет ещё цветов и поэтому нет нектара. Не слышно пения птиц, потому что птиц тоже еще нет. Огромные папоротники и хвощи — как деревья. А по земле стелются мхи. Где-то бродят ящеры, а некоторые ящеры и летают. И вероятно, как в наши дни, звенят цикады. Вот в те времена и появились первые бабочки, с зубами. Что же они тогда грызли? Может быть, споры папоротников жевали? В наши дни они поедают цветочную пыльцу, а тогда цветов ещё не было.

— А ты когда-нибудь их видел?

— Конечно! Летом они часто копошатся в цветках шиповника. Многие из них золотистые или золотисто-зелёные. А гусеницы — те, наверное, по старой привычке держатся на мхах и лишайниках.

Мой друг задумчиво смотрел в окно, на ночное небо.

— Сто миллионов лет! Поразительное долголетие! — сказал он.— Тогда даже звёзды выглядели иначе.

Неуловимый Алексанор

Посреди Армении стоит высокая гора Арагац. Удивительными запахами пропитаны степи на её склонах. Особенно ясно чувствуешь это, когда спускаешься на машине от холодного озера Кара-Гёль, расположенного недалеко от вершины.

Наверху дышишь разрежённым снежным воздухом, а по мере спуска воздух всё густеет и пропитывается ароматом полыни, мяты и мёда. Как будто всё глубже погружаешься в душистое море. Степь цветёт. Особенно выделяются ярко-красные маки величиной с блюдце.

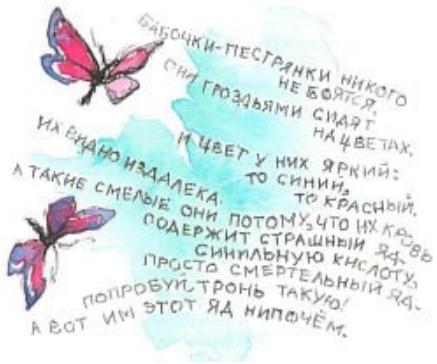
Склоны прорезаны глубокими ущельями. По дну ущелий, а местами и на склонах — рощицы из невысоких дубов.

Не раз я проводил отпуск в этих местах. Я часто гулял по окрестностям. Особенно любил я одну тропинку. Узкая и малозаметная, она вначале спускалась на дно небольшого ущелья, а затем выводила на другую его сторону.

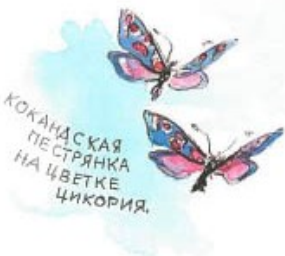
Там она совсем исчезала среди плит застывшей лавы. И я уже без дороги спускался вниз, к долине.

Здесь можно было ловить бабочек или любоваться плавающими в голубом воздухе белыми вершинами горы Арарат. А бабочек было множество.

На цветах гроздьями висели бесстрашные пестрянки, ярко-красные или синие. Им некого бояться. У них в крови страшный яд — синильная кислота. Ни одна птица не рискнёт схватить такую бабочку.


БАБОЧКИ-ПЕСТРЯНКИ НИКОГО НЕ БОЯТСЯ.
ОНИ ГРОЗДЬЯМИ СИДЯТ НА ЦВЕТАХ.
И ЦВЕТ У НИХ ЯРКИЙ: ТО СИНИЙ, ТО КРАСНЫЙ.
ИХ ВИДНО ИЗДАЛЕКА.
А ТАКИЕ СМЕЛЫЕ ОНИ ПОТОМУ, ЧТО ИХ КРОВЬ СОДЕРЖИТ СТРАШНЫЙ ЯД — СИНИЛЬНУЮ КИСЛОТУ, ПРОСТО СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЯД.
ПОПРОБУЙ ТРОНЬ ТАКУЮ!
А ВОТ ИМ ЭТОТ ЯД НИПОЧЁМ.

Бабочки-пестрянки никого не боятся. Они гроздьями сидят на цветах, и цвет у них яркий: то синий, то красный. А такие смелые они потому, что их кровь содержит страшный яд — синильную кислоту, просто смертельный яд. Попробуй тронь такую. А вот им этот яд нипочем.



Пестрянка кокандская летает в горах Памира к югу от узбекского города Коканда.

Кокандская пестрянка на цветке цикория.

Шашечница.

Попадались и поразительные желтушки-зорьки. Самцы у них с фиолетовым отливом, оранжевые. Стремительно проносились они над полянами, поросшими колючими кустарниками-астрагалами. А самки бывают и белые, и жёлтые, и оранжевые.

Они сидели тихо, притаились среди колючек.

Но больше всего здесь было нарядных красных шашечниц.

Однажды, отклонившись далеко вправо от привычной тропинки, я оказался на невысоком гребне, за которым неожиданно появилось Амбердское ущелье.

Оно имело глубину необычайную: добрая сотня метров почти отвесных скал, лишь местами прерывающихся крутыми глинистыми осыпями. Поэтому далеко не везде можно найти спуск, разве что по опасным проходам между скалами.

А под скалами начинались склоны, где среди редких трав и цветов возвышаются зонтики ферул. Эти растения похожи на укроп, но высотою почти в два метра. А до дна ущелья всё ещё далеко, и виден лишь склон, покрытый жёлтыми зонтиками.

Вот над этими зонтиками я и увидел жёлтых бабочек-махаонов, когда впервые выбрался на склоны под скалами.

Но добраться до махаонов не удавалось. Пока я спускался, оступаясь и съезжая по сухой глине, махаоны разлетались и дразнили меня издалека. Я то лез вверх, то скользил вниз, а махаоны были всё так же недоступны. И вдруг удача!

Неожиданно я увидел махаона совсем рядом на цветке ферулы, и почти такого же жёлтого, как этот цветок. Лучше бы я его не видел! Потому что даже беглого взгляда было достаточно: это не махаон, а алексанор — бабочка, похожая на махаона. Но только более редкая.

Махаон в нашей стране живёт повсюду от жаркой Туркмении до холодного Таймыра, от западных границ до Камчатки.

Алексанор встречается лишь в немногих местах: кое-где в горах Армении, Азербайджана и Средней Азии. В моей коллекции на месте, предназначенном для алексанора, зияла пустота.

Сердце мое дрогнуло, я поднял сачок, на палку которого опирался, и покатился вниз, прижимаясь к шершавому склону. Пытаясь задержаться, я только в кровь изодрал руки.

Так я прокатился несколько метров, а алексанора и след простыл. Теперь я понял, что всё множество летавших вокруг жёлтых бабочек — это алексаноры.

Моё рвение удвоилось, но, кроме новых ссадин, я ничего не приобрёл. Я взбирался вверх, скользил наискосок, ссыпался вниз с потоком щебня, но тщетно. Алексаноры были неуловимы. Духота, жара, сердце колотится. Почти без сил выбрался я на гребень.

...На гребне были нагромождения скал и камней, а местами попадались плоские вершинки. Когда я поднялся на одну из них, я вдруг увидел алексанора, который взлетел с камня и устремился ко мне. Это было так неожиданно, и я настолько

растерялся, быть может, от усталости, что даже не успел поднять сачок. Алексанор сделал надо мной круг, отлетел метров на десять, затем снова покружил около меня.

Я застыл на месте и стал медленно поднимать свой сачок. Алексанор возвратился, и я взмахнул сачком. Но торопливо и неточно. На какие-то доли секунды алексанор опередил меня и увернулся.

Он унёсся на своих быстрых крыльях куда-то вниз, за скалы, и, вероятно, навсегда. Сердце колотилось от пережитых мгновений, и я ругал себя за поспешность. Надо было чуть резче, надо было чуть правее, надо было... надо было...

В следующий миг алексанор вынырнул откуда-то сзади, мелькнул у моего лица и опять исчез за ближайшими камнями. Теперь я был уверен, что он появится снова.

Я поворачивал голову, пытаясь уловить момент его появления, пальцы, сжимавшие сачок, побелели, но алексанор свалился на меня сверху и, сделав у самого моего лица что-то вроде мёртвой петли, умчался.

Он возникал то справа, то слева, я крутился волчком, прыгал с камня на камень, размахивал сачком, а алексанор проходил в каких-то сантиметрах, исполняя немыслимые фигуры высшего пилотажа. Уж не играет ли он со мной в детскую игру «салки»? Я выбился из сил окончательно.

Я опустился на камень, вытер пот с лица, снял рубашку — она была хоть выжимай. Сердце билось где-то около горла, и казалось, вот-вот выпрыгнет. Алексанор, по-видимому, тоже притомился и куда-то исчез.

Ругая себя за неловкость, я брёл домой, всё вверх и вверх по выветрившимся лавовым нагромождениям. Подходя к дому, я еле волочил ноги.

... Я не один раз думал, стоит ли терпеть такие муки ради какого-то призрака, ради бабочки, не имеющей никакой ценности в глазах большинства людей. И вот теперь, сидя у себя дома за столом — за окном заснеженные деревья и рассвет декабрьский едва пробивается,— могу сказать, что стоит. Объяснить это чувство невозможно. Оно возникает в неведомых глубинах души, и я готов повторить все счастливые муки сначала...

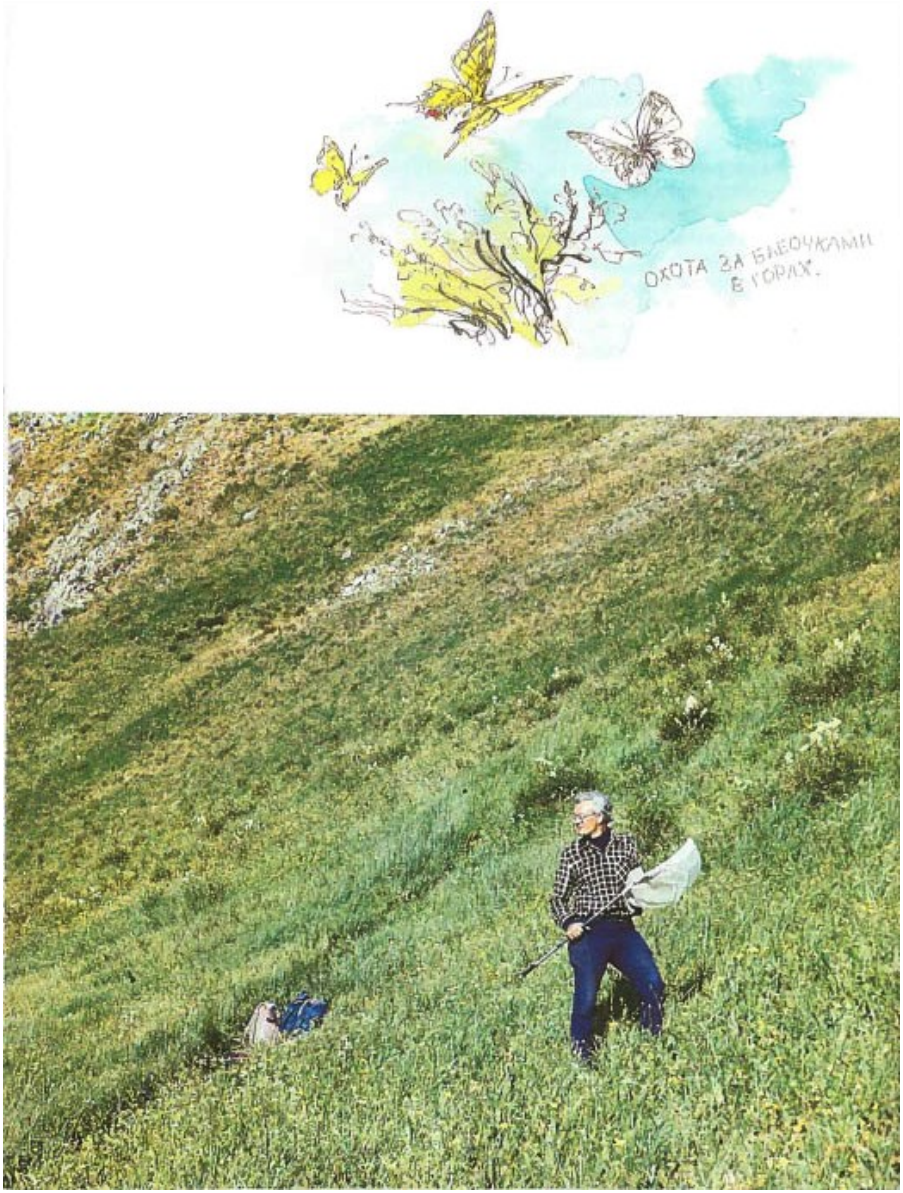
Алексанор не давал мне покоя. Всю ночь я размахивал сачком, летал и исполнял фигуры высшего пилотажа вслед за алексанором, а утром еле разогнул ноги. И по правде говоря, мелькнула мысль никуда не ходить. Но, умывшись ледяной водой из родника, я не стал ждать завтрака и, сунув в карман бутерброд и фляжку с водой, вновь поплёлся на заветную площадку.

Душа замирала, когда я приблизился к площадке и стал медленно подниматься в надежде увидеть алексанора, но он заметил меня раньше. В тёплом медовом воздухе он демонстрировал акробатические номера у самого моего лица, так что я даже не имел возможности взмахнуть сачком; боялся задеть себя по носу.

Мне подумалось, что алексанор рад моему приходу и, конечно, не догадывается, зачем я сюда прихожу. Он гордился своей ловкостью и окончательно посрамил меня.

Это была его площадка, его дом, я прихожу к нему в гости, и мы играем в интересную игру, в «кошки-мышки». Это он так думал. А я не мог уже думать ни о каких других бабочках. Вот чудесная золотисто-оранжевая аврорина, вот пурпурная зигена Крюпера. Нет до них дела. Алексанор, только алексанор!

У меня и мысли не возникало поискать другую вершину или поохотиться на склоне, где трудно ходить, но алексаноров множество.



Охота за бабочками в горах.

И третий день прошёл всё в тех же играх. Я почти потерял надежду и на четвёртый день шёл уже без прежнего энтузиазма и потому припоздал.

Мой алексанор встретил меня далеко от своего дома и сопровождал до площадки. День был душный. Арарат купался в белой пене облаков, они частенько закрывали солнце. Я уже просто сидел на камне, изредка ради приличия взмахивая сачком. Алексанор тоже был не особенно игрив и часто присаживался на

камень, распластав крылья, стараясь сохранить тепло. А может быть, причиной тому была ухудшавшаяся погода.

Очередное облако накрыло рассеянной тенью нашу площадку. Алексанор распластался на камне шагах в десяти от меня. И вот я осторожно привстаю и, пригибаясь, начинаю обходить площадку слева, прячась за выступы скалы. Скрытно подбираюсь к месту, где сидит бабочка. Я её не вижу, но точно знаю место. Медленно поднимаю сачок. Резкий удар, и я чувствую трепетание в голубой сетке.

Да, вот он наконец, желанный красавец, ярко-жёлтый, с чёрными, припорошёнными голубой пыльцой полосами, с длинными окаймлёнными хвостиками и красно-синими навигационными огнями на задних крыльях.

Ещё несколько минут назад я почти ненавидел его. За неуловимость, за насмешки надо мной. Вот он у меня в руках, и я испытываю чувство привязанности, почти любовь.

Я держу за туловище прекрасную бабочку, вижу зелёное свечение, исходящее из глубин её ячеистых глаз, чувствую упругое напряжение и дрожь сильного тела. Я должен сжать пальцы, всего лишь! Уложить то, что было бабочкой, в бумажный пакетик, привезти в Москву, расправить и поместить на пустующее место в коробке.

Но я почему-то не испытываю радости. У меня ощущение, что я совершаю подлый поступок, предательство. И пальцы не сжались, их давление становилось всё слабее, пока алексанор не выскользнул из их ослабевшей хватки.

Я увидел, как мелькнули красно-синие огоньки на его задних крыльях.

Отпустить алексанора! С моей стороны, это было непрофессионально. Но ведь я любитель.

Загадка кленового бочонка

Во многих областях нашей бескрайней страны живут свои неповторимые бабочки. Но особенно богат необычными бабочками наш Дальний Восток.

Однажды в июле я шёл по едва заметной тропинке среди бескрайнего и потому довольно скучного леса.

Сплошняком стоят дубы, берёзы с лохматой красноватой корой, берёзы с чёрной корой, берёзы небрежно побелённые, ещё какие-то берёзы и просто берёзы. А над тропой нависали лианы, её перегораживают кусты элеутерококка, сирени и клёна, и дальше двух шагов ничего не видно.

А тропа то и дело норовит исчезнуть в зелёных зарослях папоротников и неведомых кустарников.

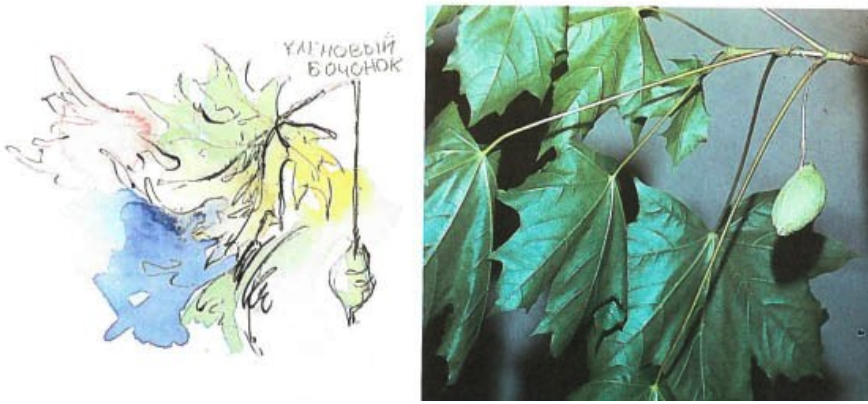
В дальневосточной тайге под пологом леса, в тенистых

оврагах и на солнечных полянах часто попадается красивый кустарник — элеутерококк. Его стебли покрыты мелкими острыми колючками. Осенью на концах стеблей вырастают шары из черных душистых ягод. Но самое ценное в этом растении — его корень. Из него получают лекарство, которое повышает работоспособность человека, снимает усталость.

В тайге всегда полумрак. Лишь в редких местах лучи солнца пробиваются до земли и освещают заросли папоротников, мелких кустарников и трав.

В очередной раз я перелез через упавший поперёк тропы огромный ствол трухлявой липы и вдруг увидел зелёный плод, висящий на длинном черешке, и размер немалый — с крупную сливу.

Я уже привык к массе удивительных растений в Уссурийской тайге, но теперь удивление перешло все границы — плод висел на клёне. Он был очень твёрдый, как орех, шершавый и вдруг... запищал, когда я взял его в руки. Как телефон при сигнале «занято», только более мелодично и отрывисто. (Позднее я находил такие «орехи» на дубовых и других кустах. Принесённые домой, они иногда будили меня по ночам своим писком.)



Кленовый бочонок.

Приблизительно через неделю я нашёл на клёне толстую гладкую зелёную гусеницу и посадил её в большую банку.

Каждый день я ставил в банку свежую ветку, но гусеница отказывалась от еды, уменьшаясь в размере, я уже думал, что она погибнет.

И однажды утром она исчезла, растаяла. С изумлением я перебирал листочки и веточки. Исчезла из плотно закрытой банки! Ты уже догадался, что вместо гусеницы на одной из веточек висел знакомый ярко-зелёный, как лист, бочонок. И он тотчас же сообщил мне, что «занят». Значит, кленовые бочонки — это коконы какой-то бабочки.

Теперь я немного сожалею, что не вскрыл один из бочонков и не узнал, каким способом он пищит, но тогда мне жалко было его губить.

Прошёл месяц. Я вернулся в Москву и продолжал исправно получать сигналы из бочонков и даже демонстрировал это чудо гостям.

А однажды в середине сентября я был разбужен неимоверным шумом. По комнате, натыкаясь на стены, летали две крупные бабочки. Я зажёг свет и увидел красно-коричневых, с круглыми прозрачными окошками на каждом крыле самцов сатурний-родиний.

Я бросился к бочонкам. Два из них были лёгкими и не подавали сигналов. Они уже не были заняты.

А на следующую ночь мне опять не пришлось спать. На этот раз по комнате летала ярко-жёлтая, с такими же прозрачными окошками и более крупная самка.

На юге Приморья родинии летают осенью, когда желтеют или краснеют и опадают листья клёна. Самцы родиний порхают во время листопада, не отличаясь ни цветом, ни манерой полёта от

красных падающих листьев.

Теперь ясно, кто строит зелёные бочонки, но осталась загадка, зачем бочонки оповещают, что они «заняты».

Бабочки и самолеты

Жил я на Дальнем Востоке в маленькой избушке. Избушка стояла среди тайги, и лишь узкая дорожка, по которой раз в неделю приезжал на мотоцикле егерь, связывала её с миром.

Где-то, говорят, совсем недалеко, за горным хребтом, плескалось прохладное Японское море, но о том, что я нахожусь рядом с границей, напоминали лишь невидимые самолёты, пролёт которых сопровождался гулким ударом сверхзвуковой волны. Справа от избушки стоял дровяной сарай, где под старой полусгнившей доской жил чёрный с жёлтым, почти двухметровый лакированный полоз. Кроме меня и полоза, других постоянных обитателей не было, и дверь в избушке никогда не закрывалась.

Впрочем, нужно упомянуть ещё небольших одноцветных тёмно-бурых бабочек-толстоголовок, которые всё время порхали на полянке перед крыльцом и иногда совершали облёты комнатушек в доме, очевидно считая их частью своей территории.

Вскоре я обнаружил, что бабочки считают избушку ещё и своим убежищем.

Я сидел за столом, разбирая собранные во время экскурсии материалы, когда сверхзвуковой удар заставил вздрогнуть наше ветхое строение. И в тот же миг целая толпа толстоголовок ворвалась в комнату.

В панике и страхе они метались по комнатам, но потом постепенно успокоились и стали по одной покидать дом.

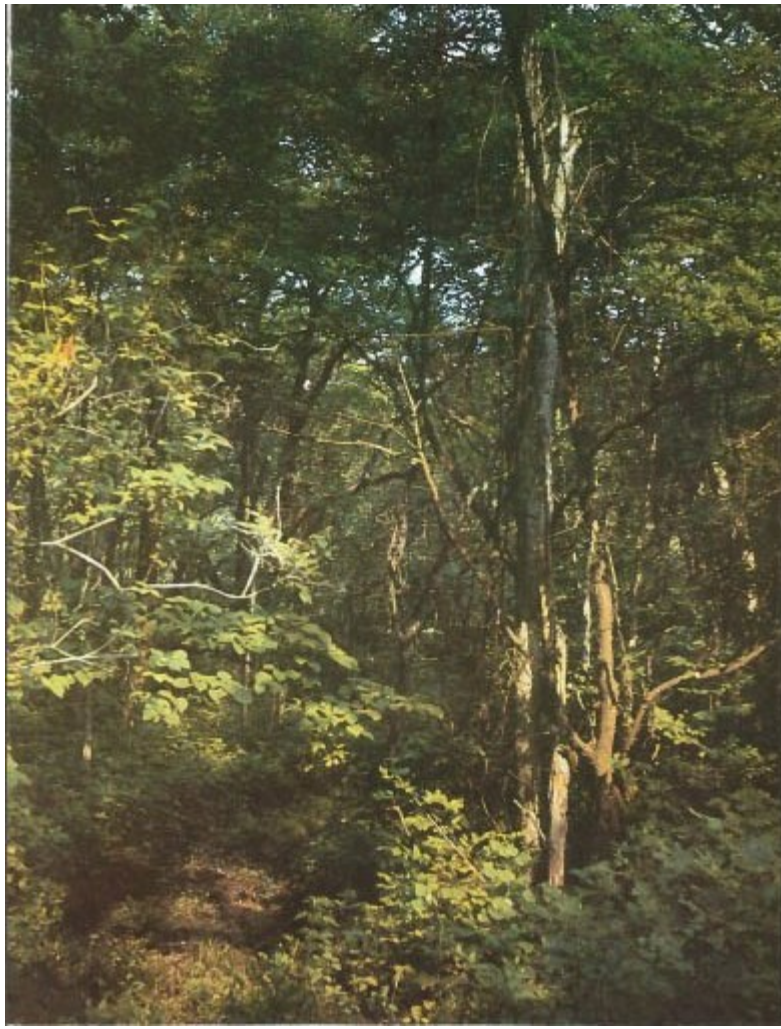
Много раз наблюдал я такую картину, и мне даже стало казаться, что около нашего дома особенно много толстоголовок

именно потому, что дом представлялся им надёжным убежищем от страшных ударов.

Толстоголовка охристая.

Синий махаон

Однажды жарким влажным днём я пробирался сквозь дремучую дальневосточную тайгу. В густом оранжерейном воздухе гудели комары и мошкара. Но особенное отвращение вызывали у меня клещи, которые то и дело сваливались на меня с ветвей кустарников и цеплялись за одежду. Иногда издалека было видно, как клещ, выбравшись на кончик ветки, весь вытянувшись и размахивая передними ногами, ждёт моего приближения. Мороз по коже, когда вспомнишь, что некоторые из них заражены энцефалитом.



Уссурийская тайга.

После долгих блужданий среди колючих кустарников и лиан я увидел впереди просвет. Тихая речушка струилась в зелёном тоннеле из гигантских ильмов и дубов. Огромные, в два-три метра высотой, зонтики нависали над водой.

Пробившиеся сквозь зелень потоки солнечного света пронизывали туманный воздух, как лучи прожекторов, и падали на чёрную воду яркими бликами. На фоне лесного полумрака они казались особенно неожиданными.

Но не это поразило меня. Несколько огромных сине-зелёных махаонов, пролетев вверх по речушке до того места, где кончались просветы и речка исчезала во мраке, распластав бархатные крылья, ложились на воду. Речушка неспешно несла их метров двадцать, а затем они взлетали, возвращались и вновь

плыли вниз. И так раз за разом. Когда они попадали в сноп света, их крылья сверкали изумрудами и аметистами. Долго я любовался игрой бабочек, не хотелось даже думать, зачем они это делают.

Был тёплый день, светило солнце, и у махаонов было хорошее настроение. Они просто купались.

СИНИЙ МАХАОН.
САМАЯ КРУПНАЯ ДНЕВНАЯ БАБОЧКА НАШЕЙ СТРАНЫ
(ДО 12 САНТИМЕТРОВ В РАЗМАХЕ КРЫЛЬЕВ).
ЧАСТО ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЛЕСАХ ПРИМОРЬЯ И ПРИАМУРЬЯ.

Синий махаон. Самая крупная дневная бабочка нашей страны (до 12 сантиметров в размахе крыльев). Часто встречается в лесах Приморья и Приамурья.

Чем пахнут бабочки?

Однажды я показал моему товарищу бабочек из моей коллекции.

— Постой, — говорит он. — Ты мне показываешь уже пятую коробку с капустницами. Неужели нет ничего поинтересней?

Тут уж я удивился.

— Неужели ты не видишь, что они все разные? Капустница была только вначале. А сейчас мы смотрим всякие редкости. С Памира, с Кавказа.

— Что же в них необычного? Все белые.

Действительно, в коробках были белянки из разных мест нашей страны. Но только на первый взгляд они одинаковые. Я и отвечаю:

— Присмотрись повнимательней. Видишь, капустница — более крупная, белая, с очень чёрными пятнами, брюквенница и репница — поменьше, и пятнышки у них серые. А самцов проще всего различить по запаху.

— Брось шутить,— говорит товарищ.— Ведь бабочки не пахнут.

— Я и отвечаю серьёзно. Я сам в сомнительных случаях отличал брюквенницу от репницы по запаху.

Капустница (самец).
Капустница (самка).
Брюквенница (самец).

Репница (самка).

Мой товарищ осторожно за булавочку вытащил из коробки капустницу и, принюхиваясь к крылышкам, с недоверием посмотрел на меня. Потом проделал то же с брюквенницей.

— Ну как? — спросил я.

— По-моему, они пахнут одинаково. И, если не ошибаюсь, нафталином.

Я рассмеялся.

— Ты прав,— говорю.— В музеях они все пропахли нафталином. Защита от моли и других вредителей. Конечно же, их надо нюхать в природе. И тогда ты почувствовал бы, что крылышки брюквенниц пахнут очень приятно. Пожалуй, лимоном или мелиссой. А репница пахнет слабее, резедой. В некоторых местах на юге по внешности брюквенницы почти не отличимы от репниц. А по запаху — пожалуйста! У капустницы едва различимый запах герани, своеобразно пахнут некоторые аполлоны, тёмно-коричневый сатир пахнет шоколадом. Может быть, и другие бабочки пахнут, но мало кто специально их нюхал. Нужно уметь различать очень тонкие запахи.

— Откуда же берётся этот запах? Может быть, от цветов? — удивился друг.

— Нет, не от цветов. А от особых чешуек и волосков на крыльях или на теле бабочек. Под каждой такой чешуйкой находится железа, вырабатывающая летучие вещества.

— А зачем это нужно? — спросил товарищ.

— Ведь запахи — это сигналы. Бабочки разговаривают запахами, зовут друг друга, узнают родственников, метят территорию, да мало ли какие у них ещё дела.

— Но ведь одновременно летает множество разных бабочек, и, если все они одновременно говорят на своём химическом языке, как же можно что-то понять?

— В том-то и дело, что каждый вид бабочек говорит по-

своему. Как разные радиостанции, каждая на своей волне. Кругом целое море разных запахов. Усики бабочек, как антенны приёмников, улавливают их, но сами «приёмники» настроены только на одну «волну», на один запах. Поэтому для бабочек тихо вокруг, пока не появится поблизости своя передающая станция. Конечно, пахнут и цветы, и, возможно, кроме своего языка, бабочки знают ещё и язык цветов, если только всю свою короткую жизнь они не обходятся без пищи. Язык запахов таит ещё много загадок. Тем более что человек не может уловить тончайших ароматов большинства бабочек. Так что этот путь мало пригоден для определения бабочек.

— Фантастика! Я только что представил себе, сколь красочен мир бабочек для какой-нибудь собаки-ищейки с её чувствительностью к запахам. А может быть, стоит обучить собак определять бабочек по запаху? Гавкнет один раз — капустница, два раза — брюквенница и так далее?

— Наверное, можно, но боюсь, что в некоторых случаях ей придётся лаять очень долго. Ведь на земном шаре более ста сорока тысяч бабочек. Считать устанешь.

Боярышница.

Гости из прошлого

В детстве моей любимой книгой была повесть «Затерянный мир» Конан Дойля.

Душная тропическая ночь, полная неизвестности и опасности. Горстка отважных путешественников, затерявшихся в безбрежном море амазонского леса, и огромный птеродактиль, обрушившийся неизвестно откуда. Лишь много позже я узнал, что большинство птеродактилей были чуть больше воробья. Я мечтал, что когда-нибудь и мне доведётся сидеть у ночного костра и с трепетом ждать... какое-нибудь доисторическое чудовище.

1938 год. Сенсация! Поймана доисторическая рыба, названная латимерией. Считалось, что все подобные рыбы вымерли ещё семьдесят миллионов лет назад. Они существовали, когда на земле жили древние ящеры. Открытие латимерии всколыхнуло мир.

Но другую сенсацию такого рода — открытие в 1963 году бабочки-брамеи европейской, тоже современницы ящеров, заметили лишь одни специалисты. А открытие было сделано почти в центре Европы, в Италии. И газеты об этом промолчали. В нашей стране тоже живут такие бабочки. Мало кто знает об этом. Спросите кого-нибудь: «А ты знаешь, что в Колхиде летает бабочка, размером с небольшую птичку, что эта бабочка жила там ещё за пятьдесят миллионов лет до нашей эры?» Встречаются эти бабочки и в Ленкорани. И вот я отправился в далёкое прошлое, чтобы увидеть своими глазами, как в древнем лесу летают «птеродактили» из мира бабочек — брамеи.

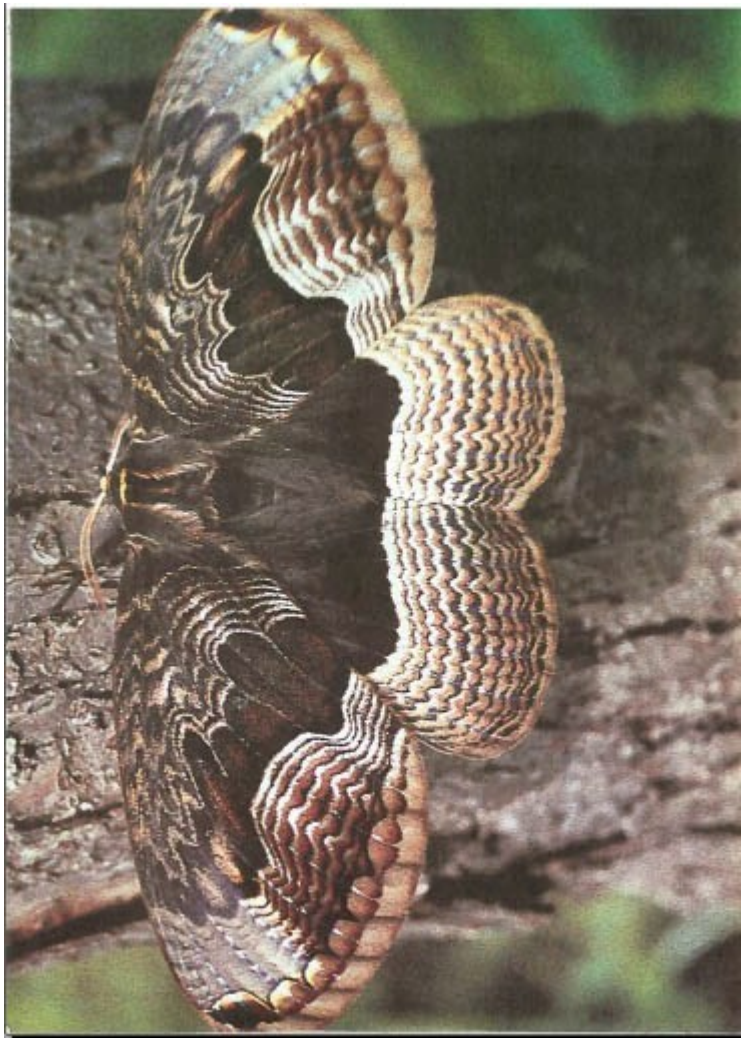
Ранним утром я сошёл на небольшой станции, не зная, как меня встретят совершенно незнакомые люди, к которым я направлялся. Но мои опасения были напрасны. Меня приняли так, как будто давно ждали, едва я назвал имя моего бакинского товарища, который дал мне адрес. Побелённый домик стоял на самом краю посёлка, а дальше начинался тот самый, почти первобытный лес. Оставив свой громоздкий рюкзак в маленькой чистой комнатке и наскоро позавтракав, я вышел из дома и быстро отыскал тропинку, спускавшуюся к небольшому ручью. Дальше стояла сплошная стена зелени. Это было непроходимое переплетение ветвей железного дерева, или железняка, и попасть внутрь леса можно было только по узким тропкам, сплошь истоптанным коровами. Под ногами была топкая чёрная грязь. Идти по ней можно лишь потому, что переплетение ветвей железняка дополнялось переплетением корней. Я был разочарован. Где же гиганты-деревья древнего леса? Люди вырубили их. Кругом были бесконечные заросли кустарников с лабиринтами коровьих троп.

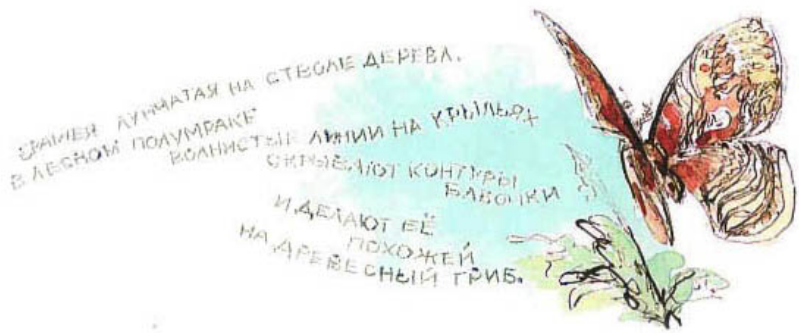
Лес, издревле покрывавший южные берега Каспийского моря, называют Гирканским. Как считают ботаники, он сохранил основные черты лесов, которые росли несколько десятков миллионов лет назад на юге нашей страны, от Украины до Дальнего Востока. От этих лесов остались лишь маленькие клочки в Приморье под Владивостоком, в Ленкорани и Колхиде. Уцелели в таких лесах и некоторые доисторические бабочки.

Я пробирался сквозь заросли, надеясь всё-таки, что где-нибудь в глухом ущелье увижу настоящий доисторический лес. И когда местность начала повышаться, я наконец увидел первое дерево-гигант. Это был азат, или дзельква,— огромное дерево в три обхвата, уже покрытое в поднебесье плотной зубчатой листвой. А вот и целая роща дубов. Не обычных, а древних, каштанолистных. Кроны деревьев смыкаются высоко над дорогой. А вокруг цветут кажущиеся пигмеями боярышник, яблони, алыча. Вот наконец и взрослое железное дерево. Здесь его зовут демир-агаджи. Стройное и очень высокое. Высоко-высоко — густая крона, а кора его с удивительным мраморным рисунком. Всё больше огромных деревьев. Уходят в вышину стволы клёнов и ясеней. Местами всё перевито колючими лианами. Опять гирканские деревья, много гирканских деревьев. Но где же лес? Чего-то не хватает или что-то лишнее. Трудно почувствовать себя за миллионы лет до нашей эры, когда всё время натыкаешься на просеки, на протянутые куда-то провода и на трубу толщиной в метр, возникающую за одной горой и исчезающую за другой. И только спускаясь по крутой скользкой тропинке в глубокий овраг,

я вдруг почувствовал: вот то, чего я ждал. По дну оврага струился ручей с прозрачной, но очень тёмной водой. Сумрак окутывал его берега. Над ручьём склонялись неведомые многоствольные деревья, все в бородатых лишайниках и мхах. Длинные языки папоротников свешивались с обомшелых стволов. Ольха, вечно плачущая прозрачной капелью, подступала к самой воде, а выше по склону огромные деревья перекрывали весь свет. Их листва едва виднелась в тумане. Казалось, что не переставая моросит мельчайший, как пыль, дождь. Наверное, в таком месте и летают доисторические брамеи. Та, которую я надеялся найти, называется брамея Кристофа — по имени учёного, открывшего её более ста лет назад. А далеко-далеко, у Хабаровска и Владивостока, в таких же древних лесах живёт другая брамея — лунчатая. Просто удивительно, до чего она похожа на брамею Кристофа! Я вернулся домой.

Брамея Кристофа. В следующий момент бабочка взлетела...





Брамея лунчатая на стволе дерева в лесном полумраке. Волнистые линии на крыльях скрывают контуры бабочки и делают

её похожей на древесный гриб.

Вечером в день приезда, едва стало темнеть, я начал готовиться к ночному лову. С разрешения любезных хозяев я вынес в сад небольшой столик и установил на нём яркую электрическую лампу. Позади туго натянул между стволами яблонь белую простыню. И стал ждать. Первыми появились жители посёлка. Они пришли со своими стульями и табуретками и расположились недалеко от экрана, как будто в ожидании кино. Больше всех было ребятни, но и взрослые заняли свои места, о чём-то переговариваясь. По-видимому, весть о необычном развлечении разнеслась по посёлку.

Тем временем стемнело, и над лампой столбом вилась мошкара. Летучие мыши быстро обнаружили добычливое место и с цоканьем проносились над лампой. Появились и бабочки. Спланировала и устроилась на экране белая, с тонкими чёрными линиями, пушистая, как горностай, хохлатка, прилетел с гудением липовый бражник и сел на столе под лампой, трепеща крыльями. Одна за другой подлетали стремительные серенькие совочки. Зрители кидались за каким-нибудь мотыльком, севшим поблизости от них, и приносили мне, держа за крылья, обтрёпанное, лишённое пыльцы создание. Я с сожалением смотрел на безнадёжно испорченную редкость. Но я мирился с этим, так как знал: скоро им это наскучит и они разбредутся. И действительно, спустя полчаса зрители стали расходиться, и я мог заняться своим делом без помех. Однако брамеи не появлялись. Мой хозяин всё торопил меня и в конце концов не выдержал: «Давай кончай это дело, пироги совсем остынут! Бабочки прилетят и сядут, никуда не денутся!» С сожалением, поминутно оглядываясь, я пошёл за хозяином в дом.

...Прошло порядочно времени, прежде чем приличия позволили встать из-за стола и пойти посмотреть, что делается у лампы.

Ещё издали я увидел огромную тень, которая металась у экрана. Я бросился туда. Увы, это был громадный кот с круглой разбойничьей мордой. Когда я добежал до экрана, кот с урчанием пожирал брамею. Тут же валялись глазастые крылья грушевых сатурний.

Я запустил палкой в полосатого хищника, и он не спеша удалился, оглядываясь и облизываясь. По-видимому, древность бабочки не ухудшила её вкусовых качеств.

У экрана на земле я обнаружил ещё несколько жаб, которые подъедали всякую мелочь, севшую на землю. А летучие мыши перекрыли дальние подступы, подхватывая на лету самых ценных,

как мне казалось, бабочек.

Мой хозяин посмотрел на остатки крыльев брамеи, которые я бережно поднял с земли, подтвердил, что такие бабочки ещё несколько дней назад залетали в окно. Теперь уж ничто не могло заставить меня уйти.

Я разогнал нахлебников и стал ждать. Быстро холодало, и бабочки теперь летели низко над землёй, присаживаясь на траву и вновь взлетая. С треском ломились сквозь кусты сатурнии и, подлетев к лампе, долго порхали вокруг. Огромные, неторопливые, как усталые птицы. А брамей всё не было. Уже светало, когда я кончил охоту. Так промелькнуло ещё несколько вечеров.

Приближался день отъезда, и я решил отправиться в тот самый, показавшийся мне доисторическим овраг. Наверху ещё светило солнце, а в овраге было уже темно. Пахло мхом, прелыми листьями и грибами. Хорошо, что ещё днём я присмотрел подходящее местечко.

У поваленного временем ствола огромного дерева, перегородившего овраг, я расстелил белую простыню, зажёг керосиновую лампу. От промозглой сырости стало холодно. Завернувшись в шерстяное одеяло, я устроился на мягком стволе и приготовился к долгому ожиданию.

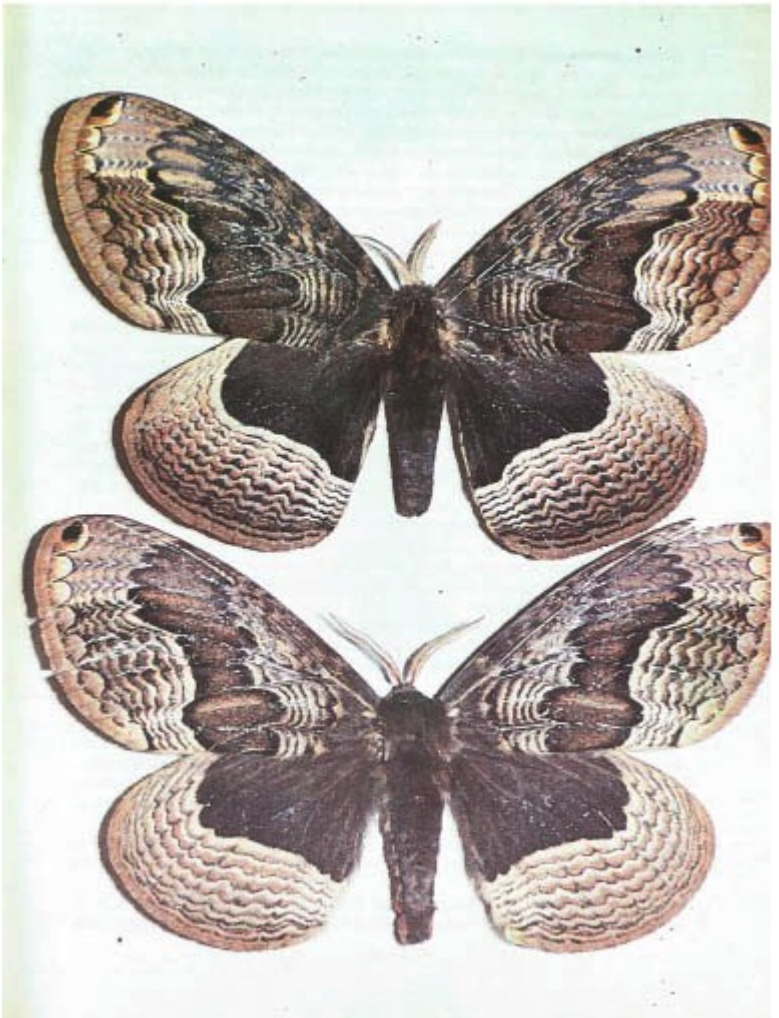
Свет лампы очерчивал небольшой круг, освещая перистые листья лапин и каких-то неведомых кустарников, светлые стволы ольхи и железного дерева. Дальше была густая чернота, где что-то жило, шебуршало, потрескивало. Невольно вспомнились рассказы местных жителей о появляющихся иногда леопардах. Какие-то шорохи, мягкие шаги в темноте. Я затаился. Кто-то смотрит на меня из темноты. Почему так тихо? Ах, это смолкли древесные лягушки. Их концерт редко прерывается, и поэтому к нему привыкаешь. Но почему они замолчали? Я вздрагиваю от треска в кустах, но тут же слышу чавканье. Кабан! Отлегло от сердца.

А ночь густеет, набирается сил. Оттуда из темноты появляются бабочки, привлечённые неведомой силой света. Подлетают, кружатся у лампы, садятся на простыню. Но я не шевелюсь, это всё не то. Мне нужна брамея. Гляжу на часы и вижу, что прошло уже два часа. Ничего, вся ночь ещё впереди.

И вдруг чёрно-коричневая громадина ворвалась в полосу света, ввинчиваясь в неё широкой спиралью, затрепетала на простыне. Это не сатурния! Это она, брамея! Только бы не улетела, только бы не улетела!

Но бабочка вновь взлетела, закружилась вокруг лампы и, взмахнув несколько раз крыльями, исчезла за пределами светлого

круга. Тянулись напряжённые минуты. Вернётся или не вернётся? Может быть, села где-нибудь на ствол? Нет, кругом тёмная ночь. Крик лягушек. Я опять жду. Холод пробирает и сквозь одеяло. Подлетают какие-то бабочки, но я тщетно жду брамею. И уйти невозможно. Кажется, только уйдёшь — и она опять появится.



Две брамеи — лунчатая и Кристофа — почти не отличаются. Присмотритесь, только тогда можно заметить разницу.

Так я и продрожал под своим одеялом, пока в тумане не начали проступать кроны деревьев, а свет лампы поблёк, не в силах справиться с рассветом.

Наступило последнее утро, утро 9 мая. Я пошёл попрощаться с такими знакомыми теперь дорожками, озерками, с зелёными непроходимыми зарослями. Вернусь ли я когда-нибудь сюда? Жизнь так коротка, а земля велика. Брамею я не поймал. Но разве мало того, что я видел, как в первобытном лесу среди доисторических деревьев порхает ночью доисторическая бабочка? Разве этого мало? Нет, я не жалею, что приехал в этот необыкновенный край. Я шёл с фотоаппаратом, чтобы сделать на прощание несколько снимков.

Ещё шаг — и я наступил бы на неё! Я больше смотрел по сторонам, и только случайно брошенный на траву взгляд заставил меня застыть на месте: в траве сидела брамея. Полураскрыв крылья, она демонстрировала свой непонятный рисунок. Я снял крышку с объектива и приблизил аппарат к спокойно сидящей бабочке. В следующий миг она взлетела, но я успел нажать спуск. И хотя я видел брамею лишь мгновение, теперь я могу любоваться ею когда захочу.

Оглавление

С чего всё началось 3
Что же такое бабочки? 6
Цвет и свет 19
Ядовитые бабочки 21
Будет буря 23
Голубые молнии 29
Зубастые бабочки 34
Неуловимый алексанор 37
Загадка кленового бочонка 43
Бабочки и самолёты 46
Синий махаон 49
Чем пахнут бабочки? 51
Гости из прошлого 55

notes

Примечания

1

Семён Мартынович Сольский (1831—1879) — русский энтомолог и писатель. Особенно много он занимался изучением жесткокрылых.